

На тревожной земле

Памяти Николая Рубцова (1937–1971)

На исходе одного из холодных январских дней 1971 года трагически погиб выдающийся русский поэт Николай Рубцов. Он стал жертвой сатанинского возбуждения журналистки, которую, как писали после смерти поэта в газетах, собирався назвать своей женой...

Поэту сейчас было бы 64 года. Он почти ровесник выдающихся писателей-«деревенщиков». Как и А. Вампилов, с которым дружил, Н. Рубцов погиб в возрасте тридцати пяти лет.

Детство было трудным. Рос из-за ранней смерти матери в детдоме, окончил лесотехнический техникум, работал в Архангельске и Ленинграде на заводах, был некоторое время матросом тралового флота, затем рабочим на Кировском заводе. После службы окончил Литературный институт и с середины 60-х годов стал печататься. За короткую жизнь им издано семь книг превосходной лирики!

Жизнь поэта оборвалась на высокой ноте. После многих лет скитаний и неурядиц он в 1970 году получил квартиру в Вологде, тогдашнем центре напряженной духовной жизни. Открывалась возможность обустроить быт, обзавестись семьей.

Поэт, в отличие от старших собратьев по перу, переживших острое ощущение чередования эпох, знал одно и, как казалось в те годы, прочное состояние общественной жизни.

Не видеть призрачности этой прочности мог лишь слепец. Хрущёвская революция сверху стала началом русской смуты, и её предвестники проступили в лирике поэта наглядно и зримо. Не утихала тревога в выборе своего пути, мучили отъединённость от проторённых дорог, одиночество и неприкаянность.

В литературной среде шестидесятых годов самостийно утвердились как элита представители так называемых «громких», эстрадных поэтов. Подхваченные духом разрушения, они запели о сыновней преданности революции и «ряболицым мужикам», вырабатывали манеру «вмазывать, врезать», а не «тихо прикасаться», напряжение металла, всех этих дюралевых витражей уподобляли напряжению своих душ. В состоянии эйфории было объявлено:

Нас мало.

Нас, может быть, четверо.

И все-таки нас большинство.

Вера в собственное могущество так выросла, что для начала решили дать отлуп традиционной русской лирике, обозначив её как «серенькое фетство» с бубенчиками и в стаде «сереньких фетят». А после и вовсе стали утверждать как единственную ценность свое трибунное присутствие. Укреплялось сознание собственной избранности, отторгающей «стадо».

Полно во дворе человеческого шлака.

Дерьмо каменеет, как главы соборные.

Избыток дерьма в этом мире, однако.

Это — А. Вознесенский.

А вот Е. Евтушенко:

*Я — разный,
Я натруженный и праздный,
Я целе-
и нецелесообразный.
Я весь несовместимый, неудобный,
Застенчивый и наглый,
злой и добрый.*

Такое вот представление о «сложности» души. Когда казалось, что «фразы бессильны», выдавали такие шедевры:

*Слова слиплись в одну фразу,
Согласные растворились.
Остались одни гласные.
Оаыу, аоии ооаоиаые.*

Душа поэта предстала тогда у А. Вознесенского как физиологическое отправление: «Ноет стыднее болезни дурной боль, именуемая душой».

Ну, где тут, в этом гаме, пробиться шепоту, ропоту и робкому дыханию?!

А между тем в литературе работали и Владимир Соколов, и Н. Тряпкин, и А. Яшин, А. Прасолов, В. Шаламов и многие, многие выдающиеся мастера. Их окрестили «тихими», то есть далекими от запросов эпохи, и не хотели видеть, сколь суровым становится время, какие надвигаются роковые годы, какие времена сомнений и бедствий грядут. Появилось предчувствие излома великих времен, и образы сквозняками пронизанных дней и часов, скованной стихии безумных сил и скоростей, сомнений и бедствий отражали тревогу. В лирике «тихих» появились непримиримые контрасты: стеклянный покой воды и мчащийся в никуда поезд, рассудочный город и брошенная, одинокая деревня, порыв к путешествиям в иные страны и возвращение в отчий дом.

Ни тогда, ни сейчас этих контрастов не стусевать. Более того, сегодня до конца обнажилась суть громких, эстрадных поэтов, прославлявших Лонжюмо, революцию и прогресс, и отсиживающихся от неудобств революции в «цивилизованном» мире и в новых башнях не из слоновой кости, а из надежных блоков. А для удобства можно потребовать от государства восстановления отчего дома, как это сделал недавно Е. Евтушенко.

Николая Рубцова поименовали тогда «припозднившимся Есениным», так велика была в те годы тяга к творчеству, наполненному серьезными раздумьями о жизни.

Молодой поэт, в отличие от старшего собрата по перу, увидел мир в иных по масштабам угрозы разрушения. Есенинский тон — коногривый дуралей, посмеявшийся тягаться с поездом, был мил и достоин сострадания, потому что не понимал: железных коней победила стальная конница.

Рубцовский мир предстал в ином свете, в том, в каком его немногие могли себе представить. Его «Поезд» — дитя необузданных, устрашающих и непредсказуемых скоростей. Стихотворение «Поезд» и сейчас поражает гипнотической силой заключенного в нём чувства:

*На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понёс меня как леший!
Вместе с ним и я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое, —*

*Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
и правил,
Да мне дороги нет...*

Ощущая себя одиноким путником, таинственным всадником, стремящимся не нарушать «ночного дыхания и тайных снов неподвижных ночных деревень», он шёл навстречу жизни безбоязненно. Переполюющая душу любовь к Родине рождала образы поразительной красоты, а в стиле состоялось соединение литературного и фольклорного сознания.

Его фольклорная стихия была романсовой, а романс в России воскресал в эпохи трагические. Как, к примеру, на войне, когда право человека на отъединённую жизнь духа требовало выхода.

Рубцовские банальности романсовой стихии типа: «полные глаза слез», «не порвать мне житейские цепи», «замерзают мои георгины», «мглистый ветер», «воющая вьюга», «ночь, чёрная ночь», «облетают листья — в эти дни дороже и дела, и образы утрат» были не чем иным, как формой обнажения трагизма его пути. Игнорируя трибунный шум 60-х годов, он определился, открыто и честно, как певец Родины.

*Поток, разбуженный весной,
Катился в пене кружевной,
И, озаряемый луною,
Светился тихо край родной.*

Главная линия развития лирики Н. Рубцова — линия традиционная, и в этом русле определилось его бессмертие. Ликующие краски и звуки находит он в том, что «сильнее бурь, сильнее всякой воли, любовь к овинам у жнивья, любовь к тебе, изба в лазурном поле». Счастье и покой родного оконца, низкий дом с крапивою около него, закатывающиеся в оконце солнце — это и есть «весь простор, небесный и земной». Невидимыми нитями, но навсегда, жизнь поэта скреплена с вечной духовной сущностью Отечества. Его небо царит в стихах неизменно.

В лирике о назначении поэзии и о поэтах, в стихах о природе и о её обитателях, в поэзии глубинных связей человека с историей, о мужестве противостояния природы человеку просматриваются масштабы и величие прозрений. Рубцов останется в истории великой русской культуры как художник, пытающийся ответить на главнейший из вопросов уходящего XX века: отчего человек перед лицом крушения неспособен осознать грядущую опасность? Отчего он сам стал творцом катастроф?

Когда поэт показывает, как мчатся люди куда-то с грохотом и лязгом, с воем и свистом, и считают, что кто-то за них предупредит катастрофу, он не питает иллюзий на скорое прозрение. Он просто втягивает нас в медленную пытку, обнажает масштабы неустройства. Воздействие иных его стихов на сознание сродни гипнотическому. Мудростью окрашены его прозрения. Призыв к опаматованию перед Богом, землей и всем живым на ней не просто актуален, он — от провидения.

И. Ильин не раз доказывал в своих статьях об искусстве, что власть над словом рождается из стихии художественного предмета.

Н. Рубцов определился как художник в трудные времена. Критики тех лет, как и сегодня, не случайно обрушиваются на «тихих» — лирических поэтов, прово-

дников тютчевско-фетовской традиции, понимая, что трибунный гам не устоит перед лицом горьких истин. Поэтов-лириков по старому образцу обвинили в отрыве от земли, от кипения социальных страстей, в том, что в ней наметился отрыв от народа. Как будто и тогда, и сейчас кто-то из либерально-демократического крыла думал о народе, а не об его оскотлении!

В заледенелой мгле, в минуты потрясений есть одна опора — звезда полей, — но родину окутал сон... однако, чем гуще «мгла заледенелая», тем сильнее горит эта звезда (стихотворение «Звезда полей»). И сознанием, и интуитивно поэт шёл в область сложнейших проблем. В днях, отходящих в таинственную тень, он искал и открывал читателю подлинность...

Да, грозы ломают деревья, рассылают гибель и слёзы во все концы, но...

*Как это странно
И всё-таки мудро:
Гром роковой перенести.*

Светлое утро, считает поэт, надо уметь «встретить как светлую весть». И он умел быть таким.

В доме А.П. Копыловой, вскоре после гибели её сына, мне посчастливилось увидеть страничку со стихом Н. Рубцова, подписанным: «Александр Вampiлов». Было ли это посвящение другу, или адрес — не узнать. Но была в этом стихе общая идея, общее устремление — уйти в мир людей, понять и выразить загадки и тайный смысл всего сущего — написано об этом весело и убеждённо.

Экспромт

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чём-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своём народе.*